

Алексей Будищев

Было на разуме

Алексей Николаевич Будищев

Было на разуме

Аннотация

«Лесной сторож Афанасий Туерогов лежит на печке своей лесной хаты и думает. Завтра Рождество, а в его кошельке ни алтына; он даже ничего не закупил к празднику. Очень уж у него подлый характер! Третьего дня был на базаре с пятью рублями; кажется, с такими деньгами можно было бы обернуться, ан, нет! Три рубля он проиграл в орлянку, рубль пропил, а на рубль – много ли на рубль закупишь по нынешним временам! Вот и придется проводить праздники всухомятку!..»

Алексей Будищев

Было на разуме

Лесной сторож Афанасий Туерогов лежит на печке своей лесной хаты и думает. Завтра Рождество, а в его кошельке ни алтына; он даже ничего не закупил к празднику. Очень уж у него подлый характер! Третьего дня был на базаре с пятью рублями; кажется, с такими деньгами можно было бы обернуться, ан, нет! Три рубля он проиграл в орлянку, рубль пропил, а на рубль – много ли на рубль закупишь по нынешним временам! Вот и придется проводить праздники всухомятку!

– А все Федулка, все он! – думает, почесываясь, Туерогов. Это Федулка обставил его на три рубля в орлянку. Федулка – жулик, с ним лучше не играть, и Туерогову следовало отстать после первого же проигранного им рубля. А он не отстал. Да и как ему было отстать, когда он только что нахвастал Федулке, что у него на кресте зашиты две сотенных. А не хватать Туерогов не может; как увидит человека, так и понесет ему, чего не было. Вот и нахвастал на свою шею. Завтра все добрые люди разговляться будут, а у него один ржаной хлеб. Спасибо, что хлеб-то мягкий!

Туерогов лежит на печке, почесывается, вздыхает и начинает соображать, нет ли у него чего-нибудь такого, что можно было бы заложить.

В хате тихо; под печкою монотонно скрипит сверчок; скупой свет керосиновой коптилки тускло озаряет почернелые стены лесной хаты и мигает на фольге дешевых образцов. В окна глядит мутная ночь, доносится шум леса и скучное пение ветра. И вдруг среди этого монотонного пения слышно, как чьи-то пальцы барабанят по стеклу окна. Раздается тонкий голосок:

– Впустите, Христа ради, переночевать... Иззяб...

Туерогов поднимается с печки, некоторое время подозрительно глядит в окошко и идет в сени отворить иззябшему дверь.

Вместе с лесником в хату входит маленький мужичонка, запорошенный снегом. За его кушаком топор. Мужичок долго крестится на образа, побрякивает, дует на крошечные кулачки, а спустя некоторое время сидит у стола на лавке и мирно беседует с Туероговым.

– Зовусь я Павля, а прозываюсь Чимбук, – говорит он. – Ты деревню Малые Дыбки знаешь? Тамошний я. Работал у купца Стынина, дрова артелью кололи, для завода, а теперь я домой пробираюсь, к праздникам. Бежал, бежал, иззяб; глядь – твоя караулка. Вот спасибо, отец родной.

Мужичок крутит головою и на минуту умолкает. По его тщедушной фигурке, по испуганным глазам и взъерошенной бородке можно смело заключить, что с ним только что произошел какой-то неприятный казус, и очевидно, что такие казусы случаются с ним нередко.

– А какой со мной грех произошел, – наконец не выдерживает мужичок. – Заработал я у Стынина не много, не мало, 15 рублей; сегодня в обед их бы получал, а в завтрак – шась старшина; все денежки отобрал, отец родной, за недоимку. Ах, пес тебя забодай, – добавляет мужичок, ударяя себя по полам полушубка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.